

ОТКРОВЕННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЕВРОПЕЙСКИХ ПРОЦЕССАХ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА

© 2018 г. А. Кузнецов

ГРОМЫКО Ал.А. О насущном: Европа и современный мир. Москва; Санкт-Петербург, “Нестор-история”, 2017. 232 с.

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, д. 23 (kuznetsov@imemo.ru).

Рецензия поступила в редакцию 25.07.2018.

Ключевые слова: Европа, миропорядок, ЕС, место России в Европе, украинский кризис, Брекзит, европеистика.

Уже более четырех лет Россия живет в состоянии “войны санкций” с Западом, которая сильнее всего затронула отношения нашей страны с европейскими государствами. Вместе с тем в последние 5–10 лет Европа столкнулась не только с украинским кризисом, изменившим отношения России и ЕС (равно как и иными последствиями государственного переворота на Украине — например, изменением формата интеграции на постсоветском пространстве). Есть немало других важных дестабилизирующих процессов в Европе, требующих серьезного осмысления, причем не по отдельности, а во всей их совокупности с существующими взаимосвязями. Кризис в зоне евро как часть мирового финансово-экономического кризиса и наплыв мигрантов из Африки и Ближнего Востока после разжигания рядом стран ЕС вооруженных конфликтов в арабских странах; провал переговоров с США о Трансатлантическом торгово-инвестиционном партнерстве (ТТИП) и референдум в Великобритании, на котором большинство высказалось за выход из ЕС; признание независимости Косово, отторгнутого от Сербии в результате военной операции НАТО, и сепаратистские референдумы в странах — членах ЕС — можно долго перечислять знаковые события последних лет.

К сожалению, в отечественной научной литературе преобладают публикации, детально рассматривающие отдельные экономические, социальные или политические проблемы в Европе. Разумеется, серьезный анализ общей картины — слишком масштабная для одной книги задача, а при более уместном публицистическом подходе российские авторы часто скатываются либо к ура-патриотизму, либо к “апологетике” Запада, которую пытаются выдать за объективный взгляд на современную ситуацию. В таких условиях особенно приятно приветствовать выход в свет книги директора Ин-

ститута Европы РАН члена-корреспондента РАН Алексея Анатольевича Громько, который весьма откровенно высказывает собственное мнение о большом спектре современных европейских процессов, проводя свой анализ в контексте происходящего “дрейфа” всего мира к полицентричному мироустройству. Будучи прекрасно образованным историком и известным специалистом-страноведом, Ал.А. Громько умело обосновывает свои выводы, хотя приходится признать, что оптимальный формат монографии ему все-таки найти не удалось (отдельное доказательство идей автора применительно к разным европейским проблемам в самостоятельных главах иногда ведет к повторам; наблюдается стилистический разнобой — вплоть до использования таблиц со статистическими данными только в гл. 13).

Рецензируемая книга состоит из 18 глав, если считать отдельно весьма содержательные разделы “вместо введения” и “эпилог”. Эти главы сгруппированы вокруг трех магистральных тем — характера трансформации международных отношений и зарождения глобального регулирования, особенностей развития Европы в XXI в. и, наконец, контуров нового миропорядка.

С самого начала Ал.А. Громько подчеркивает отказ от абсолютизации любого из популярных подходов к восприятию международных событий — будь то мнение о взрывном характере процессов, стремительно меняющих мир (подобно плотной череде событий в 1989–1991 гг. от падения Берлинской стены до распада СССР), или интерпретация хода истории в циклической парадигме. Автор убедительно показывает на нескольких примерах, что поворотные моменты в истории сначала могут трактоваться как неожиданные, а потом эксперты начинают уверенно объяснять их неизбежность (хорошей иллюстрацией служат террористические

атаки на США “9/11”, часто объясняемые ныне с позиций теории “столкновения цивилизаций”). Более того, сочетание постоянных и переменных факторов развития в политических и социальных системах не только заставляет усложнять научный анализ международных отношений, но и начинает осознанно использоваться в пропагандистских целях путем создания разных стереотипов (“угроза с востока”, “упадок Европы”, “коллективный Запад” и т.д.).

И все же нахождение категорий “медленной истории” (к которым можно отнести, в частности, географические особенности территорий и их границы, культуру, язык и религию населяющих их народов, национальное государство и суверенитет) под постоянным трансформационным давлением со стороны глобализации, вестернизации и т.п. приводит к явным изменениям в системе международных отношений. В последние два-три десятилетия мы стали свидетелями поиска оптимальных концепций и практик глобального регулирования, которое в принципе может иметь, по мнению Ал.А. Громыко, лишь три основные конфигурации — с пирамидальной структурой, ярусной и сетевой. При этом нельзя не согласиться с автором, что даже первые две конфигурации испытывались лишь в XX в. (гегемония одной сверхдержавы либо коллективная система управления миром, например, по модели ООН), так как до этого соперничавшие ведущие державы скорее предпочитали делить мир между собой, а не управлять им совместно. Что касается подлинно полицентричного мира, то пока он лишь зарождается на наших глазах по мере укрепления экономического и политического веса стран за пределами Евро-Атлантического сообщества.

Наиболее интересной мне показалась состоящая из семи глав вторая часть книги — “Европа от Атлантики до Тихого океана”. Глава «Политика “двух треков”» посвящена соотношению наднациональной внешней политики ЕС и внешней политики стран-членов. Автор прав, что традиционно именно Россию критикуют за сохранение активных внешнеполитических контактов на уровне отдельных государств ЕС, обвиняя Москву в применении подхода “разделяй и властвуй”, хотя такая политика “двух треков” не чужда и США. При этом существование такого подхода действительно оправдано его результативностью, по крайней мере при решении ряда важных для России вопросов, хотя следует согласиться с Ал.А. Громыко, что “зазор” между двумя треками будет постепенно сужаться за счет снижения внешнеполитической самостоятельности стран — членов ЕС. Однако ведущие европейские государства пока все-таки не собираются отказываться от собственных национальных интересов во внешней политике.

Правда, есть у этой идеи один изъян — на практике российские дипломатия и транснациональный бизнес не слишком освоили специфику наднационального уровня ЕС. Иначе говоря, неудачи в продвижении российской позиции в Брюсселе, иногда слабый на фоне не только США, но и ряда развивающихся стран лоббизм деловых интересов России в ЕС связан с неумением работать на одном из двух названных треков. В итоге диалог со странами-членами просто подменяет более эффективное для решения многих задач взаимодействие с ЕС в целом. Яркий пример — неправильно понятая в нашей стране интерпретация принципа консенсуса в ЕС в отношении продления санкций против России. И дело тут далеко не только в давлении США, о котором пишет автор, поскольку события на Украине были использованы многими политиками в ЕС для успешной апробации “основанной на ценностях” внешней политики (*value-based international policy*) в качестве цементирующего “евросоюзную идентичность” элемента. Речь даже не идет напрямую о “двойных стандартах”, в которых так часто в России обвиняют ЕС. Ведь современные европейские философы, показывая важную роль справедливости в международных переговорах и в ходе практического решения конфликтов, одновременно отмечают явный плюрализм в определении самой справедливости¹.

В главе “Евросфера в зоне высоких рисков” директор Института Европы РАН применяет нетривиальный подход, начиная исчислять период современной пробуксовки интеграционного проекта ЕС с конституционного кризиса 2005 г., который спровоцировали референдумы в двух странах, учредивших Европейские сообщества (в Нидерландах и Франции). Лишь затем наступил экономический кризис, потом к нему добавился миграционный кризис, а последний удар образцовости “объединенной Европы” нанес “брекзит”. Автор наглядно показывает, как в ЕС долгие годы продвигали постулат “ты не настоящий европеец, если не член ЕС”, не замечая нежелание населения Швейцарии, Норвегии и Исландии (а последняя отозвала заявку совсем недавно — в 2015 г.) становиться странами — членами ЕС (видимо, в силу малого размера этих государств, образующих вместе с крошечным Лихтенштейном ЕАСТ в его нынешнем виде). Кризис многолетних переговоров о вступлении в ЕС Турции полностью считался виной этой страны и конкретно ее лидера Р.Т. Эрдогана, а выход в 1980-е годы из ЕЭС Гренландии (как самоуправляющейся части Дании) вообще не вспоминали. Ал.А. Громыко прав, говоря, что «Евросоюз, при всей своей уникальности, пошел по

¹ Schuessler R. Justice in Negotiations and Conflict Resolution. *Alternative Approaches in Conflict Resolution*. Ed. by M. Leiner, Ch. Schliesser. Manchester, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 25-36.

хорошо известному пути крупных политических, бюрократических и управленческих структур: собственным достижениям уделялось намного больше внимания, чем проблемам, а последние не столько решались, сколько временно купировались или замалчивались. Когда же трудности возрастали до такой степени, что игнорировать их становилось невозможно, вина перекладывалась на плечи самих “раздражителей”» (с. 54). Не случайно во многих бедах внутри ЕС обвиняют евроскептиков, а вовне в неудачах ЕС порицания заслуживают “интриги” России.

Вместе с тем, если посмотреть с точки зрения экономики, которая всегда лежала в основе европейского интеграционного проекта, исходная точка кризиса ЕС началась не в результате замены Лиссабонским договором провалившегося проекта Конституции. С подачи профессора Ю.А. Борко и его коллег в российской европеистике стало популярным мнение, что объясняющая эволюцию ЕЭС/ЕС концепция пяти стадий интеграции Б. Балаша представляет собой движение от зоны свободной торговли через таможенный союз и общий рынок к экономическому и валютному союзу, а затем политическому союзу². В действительности в оригинальной публикации речь шла о движении к “экономическому союзу” (который отличается от общего рынка определенной гармонизацией экономической, монетарной, фискальной, социальной и антициклической политики), а затем к “полной экономической интеграции” (с унификацией экономической, фискальной и другой политики, что требует наличия наднационального уровня управления, выпускающего обязательные для стран-членов решения)³. Соответственно, и первый серьезный удар устойчивому углублению интеграции в ЕС был нанесен, когда создавалась зона евро, в которую не вошли все страны-члены, а Грецию просто “втаскивали” ради европейской солидарности без существовавших на то экономических предпосылок. В 2000-е годы стало ясно, что Греция – не исключение. Прием в зону евро стран ЦВЕ также шел своеобразно: вступление Словении (с 2007 г.), Словакии (с 2009 г.) и стран Балтии (в первой половине нынешнего десятилетия) происходило на фоне явного желания более успешных

пионеров постсоциалистической трансформации – Польши, Чехии и Венгрии – солидаризироваться со Швецией, готовой по макроэкономическим параметрам, но не желающей отказаться от национальной валюты (хотя обязанной, в отличие от Дании и Великобритании, когда-нибудь ввести евро).

Работающий без сбоев экономический союз в ЕС не получилось построить и потому, что в начале 2000-х годов страны-члены не смогли радикально реформировать расходную часть общего бюджета ЕС⁴. Сначала встроена в механизмы выработки решений в ЕС модель поиска компромисса между участниками интеграционного проекта привела к срыву реформы общей сельскохозяйственной политики, на которую шла значительная часть расходов ЕС. В результате присоединившиеся к ЕС в 2004 г. постсоциалистические страны стали участниками лишь немного скорректированной прежней системы (хотя и с меньшими правами по сравнению со странами-“старожилами”). При этом на наднациональном уровне по-прежнему нет достаточных средств для общеевропейской инновационной политики, без которой раз за разом срывается достижение экономических целей очередных долгосрочных стратегий социально-экономического развития ЕС. Не смогли в ЕС провести и реформу наднациональной региональной политики (“политики сплочения”), которая намечалась для очередного многолетнего финансового периода 2014–2020 гг. Вместо внедрения инструментов, призванных купировать миграционные вызовы, смягчать последствия изменения климата, преодолеть “цифровой разрыв” между Северной и Южной Европой, из-за разразившихся кризисных явлений в экономике была проведена лишь косметическая реформа “политики сплочения” ЕС. Так, несмотря на заявления о ставке на стимулирование НИОКР и другие прогрессивные идеи, по-прежнему во главе угла стоит выравнивание регионов по уровню ВВП на душу населения⁵.

Глава “День, который изменил Европу” всецело посвящена Брекзиту. Ал.А. Громько иронично комментирует шокирующие участников ЕС результаты референдума в Великобритании буквально спустя несколько лет после того, как ценой немалых усилий удалось сохранить Грецию в зоне

² См., например: *Европейская интеграция*. Учебник, под ред. О.В. Буториной. Москва, Деловая литература, 2011, с. 22.

³ Balassa V. Towards a Theory of Economic Integration. *Kyklos*, 1961, February, pp. 5–6. Лишь в 70-е годы Б. Балаша признал, что полная экономическая интеграция немыслима без определенной политической интеграции. Однако до сих пор российские эксперты шокируют представителей ЕС, говоря о возможности движения ЕАЭС к политическому союзу, поскольку в отличие от постсоветского проекта реальные шаги в этом направлении в Западной Европе стали обсуждать спустя более чем три десятилетия после старта интеграции (что сразу наталкивает наших партнеров на рассуждения о ЕАЭС как имперском проекте России).

⁴ О предложениях 2003 г. см.: Sapir A. et al. *An Agenda for a Growing Europe. Making the EU Economic System Deliver*. Report of an Independent High-Level Study Group established on the initiative of the President of the European Commission. 2003. Available at: https://web.archive.org/web/20060928112500/http://www.swisscore.org/Policy%20docs/general_research/sapir_report_en.pdf (accessed 20.07.2018).

⁵ См.: Кузнецов А.В. Есть ли новизна у нового этапа региональной политики ЕС? *Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии*. Под ред. А.В. Кузнецова и О.В. Кузнецовой. Москва, ИМЭМО РАН, 2015, сс. 9–24.

евро: «Отцы-основатели “объединенной Европы”, прежде всего Жан Моннэ и Робер Шуман, наверняка пребывают в недоумении по ту сторону бытия. Что касается духа генерала де Голля, то, наверное, его лик исказила горькая усмешка» (с. 57-58). При этом известный российский англовед очень жестко оценивает политику Д. Кэмерона, называя Брекзит результатом нищеты его стратегического мышления. Говоря о недальновидности действий британского правительства, Ал.А. Громыко проводит параллели между американско-британским вторжением в Ирак в 2003 г. и франко-британской агрессией против Ливии в 2011 г. с внутривластной авантюрой премьера Д. Кэмерона, который преследовал сиюминутные электоральные интересы возглавляемой им партии консерваторов. Нелестно, но также справедливо (что нетипично для большинства российских экспертов, испытывающих какой-то странный пиетет перед Лондоном) автор обвиняет британцев в достаточно распространенной в стране ксенофобии, признавая в то же время и роль такого фактора в усилении антиевропейских настроений, как реакция на обострение социальных проблем. Ведь за Брекзит англичане голосовали отнюдь не из-за наплыва нищих и необразованных азиатских мигрантов — их не устраивали работающие в Великобритании граждане ЕС других национальностей.

Я полностью согласен с автором, что “наибольшую потенциальную опасность для страны результаты референдума представляют с точки зрения ее территориальной целостности” (с. 63). Рано или поздно Шотландия может покинуть Соединенное Королевство, не исключен и референдум в Ольстере о воссоединении с Ирландской Республикой. На мой взгляд, отложить этот процесс на десятилетия Великобритания может только в случае унижительного для ядерной державы и постоянного члена СБ ООН “декоративного” выхода из ЕС, сохраняющего страну в экономическом пространстве интеграционной группировки. По сути, в этой ситуации Великобритания пойдет по норвежскому пути — полного подчинения законодательным нормам ЕС без участия в их выработке. При этом будет одно важное отличие (не в пользу британцев) — небольшая Норвегия вне ЕС претендует на максимальное сохранение формального суверенитета, который обрела лишь в начале XX века, да и с точки зрения экономики при своем высоком ВВП на душу населения Норвегия “не делится” с бедными членами ЕС. Сам же ЕС после любого варианта Брекзита скорее получит дополнительный позитивный импульс для углубления интеграции. Тем более что Германия, несмотря на свое экономическое лидерство, не желает брать на себя ведущую роль в ЕС в политической сфере, оставляя пространство для активности Франции, Италии, Польши и т.д., —

а именно наличие нескольких центров силы является залогом жизнестойкости интеграционных проектов суверенных стран.

Очень короткая глава “Постсоветское пространство во власти геополитики” содержит, однако, несколько метких комментариев. Во-первых, отмечается антироссийская истерия западных СМИ в ходе украинского кризиса, сильно напоминающая события 2008 г. в Закавказье, притом, что инициировавший кризис в Южной Осетии М. Саакашвили уже почти всеми подвергся осуждению за свою авантюру. Во-вторых, референдум в Крыму вызвал на Западе удвоенное неприятие, так как опроверг десятилетиями навязывавшийся стереотип о единственном гравитационном поле в Европе в виде ЕС. Далее следует глава про страны ЦВЕ “Обретенная свобода, потерянная свобода”. Основное внимание уделено Вишеградской четверке, которая ради восстановления своей независимости от Кремля очень быстро потеряла государственный суверенитет, растворившись в НАТО и ЕС. Однако в Польше, Чехии, Венгрии и Словакии периодически пытаются проявлять самостоятельность, причем ситуация с каждой из четырех стран отличается. Завершается вторая часть книги двумя главами, названия которых говорят сами за себя: “Уроки Первой мировой войны — исторические параллели” и “Дестабилизация Европы и проблема доверия”.

Третья часть книги озаглавлена провокационно — “Контурсы нового мирового (бес)порядка”. Автор довольно жестко оценивает угрозы движения международных отношений вспять, в том числе попытки деглобализации экономики, которые пока кажутся безуспешными. Не случайно ряд экспертов оценивают избранную администрацией нынешнего президента США Д. Трампа линию поведения как открытый шантаж торговых конкурентов ради принуждения их к выполнению постулатов справедливой торговли в американской интерпретации, что отрицает весь накопленный позитивный опыт либерализации мировой торговли и ведет к разрушению свободы предпринимательства. Хотя одновременно нельзя не заметить, что многие шаги Д. Трампа при всей их экстравагантности преследуют конкретные экономические цели США и в случае готовности пойти на попятную при обострении торговых споров с ЕС и Китаем особой угрозы глобализации не несут⁶.

В рецензируемой книге речь идет и о всплеске насилия в Европе и вокруг нее, где не без участия стран ЕС сформировалась целая дуга нестабиль-

⁶ См.: Дмитриев С.С. Предсказуемо непредсказуемая торговая политика — США против всех. *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2018, №2, сс. 113-132.

ности от Магриба до Афганистана, и о стремлении стран Запада искусственно маргинализировать своих конкурентов, претендующих на самостоятельную региональную, тем более глобальную роль. Достаточно вспомнить, что в переговорах США и ЕС о ТТИП не было даже намека на возможность учета интересов России, которая изначально официально была стратегическим партнером ЕС, строящим с ним четыре общих пространства⁷, тогда как Транстихоокеанское партнерство в АТР не предполагало участие Китая. Тем не менее не отметая конфронтационный сценарий развития международных отношений (будь то финансово-экономическая или военно-политическая сферы), Ал.А. Громыко всячески предостерегает российские элиты от втягивания в новую холодную войну (с. 101-102, 107-108). С одной стороны, он честно показывает многочисленные примеры осознанной антироссийской политики Запада в целом и отдельных стран ЕС в частности (включая преуменьшение в стратегических документах интеграционной группировки террористической угрозы ради раздувания вызовов, якобы исходящих от России). С другой стороны, директор Института Европы РАН справедливо отмечает, что формирующийся полицентричный мир с наличием крупных внеевропейских держав, в целом выстраивающих нормальные отношения с Россией, исключает международную изоляцию нашей страны. В таких условиях успех западной санкционной политики может быть весьма ограничен, тогда как “внутренний залог успешного развития России – столь необходимая модернизация ее индустрии и инфраструктуры...” (с. 118).

Интересны, хотя местами спорны, рассуждения Ал.А. Громыко о различных конфигурациях сотрудничества/соперничества с участием России (как в треугольнике США–ЕС–Россия, так и с подключением Китая). Однако нельзя не согласиться с критикой утверждения о наличии у России в качестве “союзников” только армии и флота – действительно, “если у страны, кроме собственных вооруженных сил, отсутствуют союзники, постоянные партнеры или хотя бы временные попутчики, ее внешняя политика должна быть признана неэффективной” (с. 157).

Неожиданным, по крайней мере, для меня, оказался практический вывод о судьбе европеистики, сделанный автором в эпилоге “Дилеммы универсальности и уникальности”. Ал.А. Громыко считает, что расцвет исследований ЕС в нашей

стране был связан с пониманием “модельности” европейской интеграции (при всей ее неповторимости). Однако ставшая очевидной именно на рубеже XX–XXI столетий “невоспроизводимость обстоятельств зарождения и развития западноевропейской интеграции в других регионах мира, а также каскад кризисных явлений в ЕС..., снизили статус западноевропейской модели до одной из многих” (с. 203-204). Директор Института Европы РАН подытоживает: “Если модель Евросоюза невозможно репродуцировать в других регионах мира, то трудно ожидать, что изучение ЕЭС/ЕС будет и дальше служить локомотивом в исследовании региональной интеграции. Переставая быть трафаретом и образцом для подражания, это модель, вероятно, сохранит свое значение в первую очередь для Европы и шире – для интеграционных проектов в Евразии” (с. 207)⁸.

Это не пустой прогноз – уже теперь, например, в МГИМО МИД России старейшая в нашей стране кафедра европейской интеграции переименована, а преподавание курсов “Россия и ЕС” сворачивается. Однако считаю необходимым остановиться на этой проблеме подробнее, так как она касается не только ЕС, но в целом развития страноведения и регионоведения, причем не только в России, но и в других крупных государствах. Уже в советский период в результате почти полного разрыва отношений с КНР отечественное страноведение пережило заметный провал в китаистике. Он до сих пор аукается существованием в отечественных публикациях поверхностных клише, нередко базирующихся на анализе главным образом современных китайских официальных документов⁹. В 1990-е годы потеря в России интереса, например, к государствам Тропической Африки и Ирану привела к острому дефициту страноведов, знающих экономику этих стран, когда в 2010-е годы в нашей стране активно заговорили о необходимости “разворота на Восток”. Есть и более сложные ситуации, которые нельзя объяснить только сложностью подготовки, а затем трудоустройства в неблагоприятных геополитических условиях экономистов со знанием редких языков. Как объяснить, например,

⁸ Правда, для постсоветского пространства нередко интереснее слабо известный широкому кругу экспертов опыт интеграционных проектов в Латинской Америке, демонстрирующих самые разные модели экономического и политического взаимодействия стран. См.: Яковлев П.П. Интеграция в Латинской Америке: центростремительные и центробежные тренды. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2017, №4, сс. 86-100.

⁹ Одна из ярких иллюстраций – выделение, вслед за официальной пропагандой КПК, пяти поколений руководства КНР – весьма уязвимой для критики концепции. См.: Румянцев Е.Н. Си Цзиньпин и новое поколение руководителей Коммунистической партии Китая. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2017, №5, сс. 47-64.

⁷ Как известно, в 2005 г. были подписаны дорожные карты по общему экономическому пространству России и ЕС, по общему пространству свободы, безопасности и правосудия, по общему пространству внешней безопасности и по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты.

явную нехватку хороших специалистов по внутренним экономическим и социальным процессам в США или на Украине на фоне многочисленных отрядов экспертов по российско-американским или российско-украинским отношениям? Конечно, можно обвинять чиновников от науки и высшего образования, которые не способны предложить адекватные нынешним вызовам программы подготовки настоящих страноведов, а не специалистов-международников “широкого профиля”. Можно говорить и о недалёковидности и даже скупости крупного российского бизнеса, вспоминающего о квалифицированных кадрах с глубоким знанием специфики ведения дел в отдельных странах и регионах мира отнюдь не за 5–7 лет до появления острого спроса на них. Однако не меньшая вина лежит на руководстве ведущих университетов и исследовательских центров, которые в основном

заняли в 1990–2000-е годы пассивную позицию. И вряд ли можно утешать себя тем, что похожему разгрому подверглась в тот период советология на Западе – ведь отсутствие большого количества настоящих специалистов по современной России в ЕС или США как раз способствует легкому распространению антироссийской пропаганды.

Завершая рецензию книги члена-корреспондента РАН Ал.А. Громыко, хочу еще раз отметить, что она выгодно отличается от многих нынешних трудов на тему формирующегося миропорядка конкретностью своего анализа, основанного на хорошем знании европейского материала. Очевидно, что без глубокого понимания процессов, происходящих в ЕС и вокруг него, экспертам в России будет очень сложно выработать адекватные рекомендации по позиционированию нашей страны в полицентричном мироустройстве.

FRANK REFLECTIONS ON THE EUROPEAN PROCESSES IN THE CHANGING WORLD ORDER

[Review of the book: Gromyko Al.A. About Vital: Europe and Modern World. Moscow, St. Petersburg, “Nestor-History”, 2017. 232 p. (In Russ.)]

(World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 12, pp. 120-125)

Received 25.07.2018.

Alexey V. KUZNETSOV (kuznetsov@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Profsoyuznaya Str. 23, Moscow, 117997, Russian Federation.

Keywords: Europe, world order, Russia's place in Europe, Ukrainian crisis, Brexit, European studies.

About author:

Alexey V. KUZNETSOV, Dr. of Sci. (Economics), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director.